

Шу Цзюнь взял кисть и замер перед листом бумаги. Он никогда не видел такой белой и гладкой бумаги, поэтому не решался начать писать. Никто не торопил его, и он, собравшись с духом, обмакнул кисть в чернила, укрепил запястье и начал писать иероглиф «Шу».

Он давно забыл, как его звали раньше, это имя было дано позже, без особого смысла или истории. В конце концов, жизнь его была дешева, и не стоило давать серьёзного имени.

Однако оба иероглифа были красивыми и хорошими, и, закончив писать, Шу Цзюнь взглянул на них и подумал, что его имя на самом деле неплохое. Хотя оно и не было таким мощным, как имя Сюэ Кайчао, но было ровным и мягким, даже с ноткой элегантности.

Сюэ Кайчао стоял рядом, перебирая пачку писем. Шу Цзюнь подумал, что ему не стоит смотреть на такие вещи, и намеренно отвернулся. Опустив кисть, он увидел, как Сюэ Кайчао подошёл и, глядя на два иероглифа, которые, кроме ровности, не вызывали особого восхищения, кивнул:

— Есть база, значит, можно учить.

На самом деле обучение в деревенской школе было лишь базой, и для Сюэ Кайчао это не значило ничего. Однако ему и не нужны были учёные, Шу Цзюнь был вполне подходящим. Среди книг по практике, которые нужно было изучать, помимо трудных и непонятных, были и те, что подходили для начинающих.

— Когда вернёмся, начну учить тебя.

Сказал Сюэ Кайчао.

Шу Цзюнь не удержался и спросил:

— Куда мы возвращаемся?

— В Сицзин, Чанъань.

Всего за одну ночь, по слову Владыки Цинлиня, они собрали большую часть багажа, и на следующий день, ещё до полудня, караван тронулся в путь.

Шу Цзюнь большую часть времени проводил со служанками, но ночью он всегда был в карете Сюэ Кайчао.

Владыка Цинлинь не хотел принимать лекарства. Каждый раз, когда служанки спрашивали, он говорил, что рана зажила, и лекарства больше не нужны. Однако ночью он часто звал Шу Цзюня спать вместе, чтобы согреться.

После нескольких таких случаев Шу Цзюнь понял, что он вовсе не поправился. Шрам, хотя и медленно затягивался, но внутри всё ещё было что-то не так.

Но он не смел сказать об этом, не мог спросить и ему пришлось притвориться, что ничего не знает.

Днём Сюэ Кайчао не хотел видеть его рядом и говорил прямо:

— В пути ты будешь много смотреть и играть. Когда мы доберёмся до Сицзина, таких дней больше не будет.

Шу Цзюнь не понимал, что это за дни, но знал, что это было для его блага, и поэтому следовал указу, проводя время в удовольствиях.

В детстве он пережил большие перемены, скитался, а потом попал в театр, и у него не было ни одного дня без забот. Теперь он навёрстывал упущенное.

Караван шёл с юга на север, и пейзажи были прекрасны. К тому же караван Владыки Цинлиня отличался от обычных, он был устойчивым и просторным, совсем не трясло, и было много сладостей. Если бы Шу Цзюнь всё ещё был ребёнком, он бы наслаждался жизнью.

Однако он уже не был ребёнком и заметил, что шесть служанок почти не отходили от кареты Сюэ Кайчао, а сам он часто оказывался в их защитном кругу. Это вызывало у него нехорошее предчувствие.

Сюэ Кайчао редко выходил наружу. Хотя у них было несколько великолепных лошадей, но он никогда не ездил на них и редко показывался на людях.

Днём они ехали, ночью отдыхали, и это было нелегко.

Однажды Шу Цзюнь собрал букет полевых цветов, занёс их в карету Сюэ Кайчао и поставил в вазу. За ширмой раздался тихий голос Ю Юнь:

— Госпожа Ли получила письмо, но ничего не сказала. Видя, что Владыка не хочет новых охранников, она не прислала никого. Это всё же слишком рискованно.

Её голос был мягким, как горный ручей, но в нём чувствовалась тревога.

Шу Цзюнь снаружи молча перебирал букет цветов, не издавая ни звука. Он не знал, кто такая Госпожа Ли, но атмосфера за ширмой была явно не для его вмешательства.

Положение Сюэ Кайчао, возможно, не было таким уж плохим, но Шу Цзюнь всё больше чувствовал себя так, словно он шагнул за край пропасти, оказавшись на гребне волны. На самом деле Сюэ Кайчао стоял перед ним, и то, что Шу Цзюнь чувствовал, было лишь слабым отголоском бури. Если он уже чувствовал себя на краю гибели, то что же видел Сюэ Кайчао?

Если бы человек, склонный к эмоциям, в отчаянии был спасён Сюэ Кайчао из беды, он, возможно, уже преклонился бы перед Владыкой Цинлинем. Даже если бы ему подарили нож, он был бы бесконечно благодарен.

Даже без эмоций другой человек не испытывал бы такого страха перед неизвестным, как Шу Цзюнь, а просто погрузился бы в удивление от странностей судьбы и красоты Владыки Цинлиня.

Сколько людей могут устоять перед яркой шкурой и острыми когтями хищника?

Шу Цзюнь тоже не знал, что с ним происходит. Он, конечно, был благодарен Сюэ Кайчао. Если бы его не забрали, он, возможно, уже стал бы трупом. Даже если бы смог выжить, он бы погряз в грязи, без надежды на спасение.

Не говоря уже о том, что Сюэ Кайчао подарил ему нож, что означало, что он считал его близким человеком. Его обращение было более чем достойным.

Всё, что Сюэ Кайчао сделал для него, было великой милостью. Шу Цзюнь в этой жизни сделал

бы всё, что от него потребуется, без единого слова «нет».

Но он всё равно боялся.

Это было как запах или просто интуиция. В его глазах Сюэ Кайчао был как высокая скала, стоя под которой он задыхался, не имея возможности даже подумать о том, чтобы примкнуть или продвинуться.

Как огромный зверь, который всей своей тяжестью придавил его, защищая, но и устрашая.

Сюэ Кайчао сказал: «Ты мой». Сначала Шу Цзюнь не понимал, но потом осознал, что тот никогда не следил за его действиями, не требовал преданности. Это не было методом управления или игрой. Просто это было не нужно, просто это было естественно.

Как отношение к столу, стулу, комнате или дому. Шу Цзюнь ещё не заслужил его внимания.

Кроме того, что могло быть нужно Сюэ Кайчао от него? Разве Владелец Жетона не был самым сильным в мире? Даже император не мог заставить Сюэ Кайчао что-то делать, весь мир восхищался им, и даже если были мелкие люди, кто мог затмить свет луны?

Шу Цзюнь не беспокоился о нём, он беспокоился лишь о том, сможет ли он остаться и оправдать ожидания.

Букет полевых цветов был бледно-фиолетового и молочно-белого цвета, очень мелкий, но с большими листьями, растущими парами, как веер. Шу Цзюнь перебирал его, почти забыв, что внутри уже давно было тихо.

Спустя некоторое время Сюэ Кайчао сказал:

— Она знает меня и, конечно, не беспокоится. Тебе не нужно сомневаться в её надёжности. Иди, со мной всё будет в порядке.

Ю Юнь больше ничего не сказала, тихо согласилась, обошла ширму и вышла, бросив взгляд на Шу Цзюня. Она была прямой и строгой, выглядела устрашающе. Шу Цзюнь посмотрел на неё и увидел в её глазах лишь мягкую грусть, а не оценивающий взгляд.

— Заходи, Владыка устал.

Сказала Ю Юнь и, подняв полог кареты, выпрыгнула наружу.

Шу Цзюнь вошёл с простой белой вазой без украшений и поставил её на маленький столик рядом с Сюэ Кайчао, который, облокотившись на подушку, читал книгу.

Сюэ Кайчао отвлёкся на мгновение. Он был как гора из нефрита, величественный и прекрасный, и даже его небрежные движения и взгляды потрясали. Шу Цзюнь покорно опустил на колени у края кушетки, прислонив голову к её краю, и тихо спросил:

— Владыка, ситуация действительно плоха?

В поле зрения был букет полевых цветов, который рос в дикой природе без особых отличий, но теперь спокойно цвёл в изысканной белой вазе. Сюэ Кайчао провёл пальцем по маленьким цветам, его пальцы были как нефрит, более гладкие, чем белая керамика.

— Что ты видишь?

Голос Сюэ Кайчао был тихим и мягким, как снег, который выпал за всю ночь и лежал пушистым слоем, как облако, но на ощупь был холодным и несладким.

Шу Цзюнь покачал головой и честно ответил:

— Я не знаю, я даже не видел много людей. Когда мы останавливались в почтовых станциях, я видел, как люди просят милостыню, слышал, как кто-то говорил, что урожай плохой, а кто-то говорил, что уже почти невозможно жить, а чиновники нисколько не смягчаются...

Он замолчал, снова задумавшись, и поднял взгляд на Сюэ Кайчао, сидящего на кушетке:

— Но какое это имеет отношение к Владыке?

Невысказанная мысль была в том, что он, казалось, был последним человеком в мире, кому нужно беспокоиться об этом, так зачем же он просил меня смотреть на это.

Сюэ Кайчао закрыл книгу, передал её ему, чтобы он положил её в сторону, сложил руки на коленях, и его поза была как у идола.

«Глаза как голубой лотос», — вдруг вспомнил Шу Цзюнь священный гимн.

<http://bllate.org/book/16142/1445387>